

Цао Маньюэ была невесткой в семье, и в такой ситуации ей не полагалось вмешиваться в разговор. Всё, что она могла, это стоять позади свёкра и свекрови и делать то, что они скажут.

Поэтому у неё оставалась возможность наблюдать за происходящим вокруг. Увидев, как подходит Лин Син, она с облегчением выдохнула - хорошо, что с ним всё в порядке.

— Старшая невестка, ты очнулся? Тебе ещё где-нибудь плохо?

— Угу, я в порядке.

Лин Син подошёл ближе и окинул происходящее взглядом. Первым, кого он увидел, был Шэнь Лай, стоявший за спиной Сюй Юфан с опущенной головой. Лицо Шэнь Лая всё ещё было в ссадинах и синяках - следы побоев и камней, которыми его закидали, когда связали. Были бы камни чуть побольше, или ударь они целенаправленно по голове, и сегодня Шэнь Лай мог бы не выжить. И после этого у них ещё хватает наглости прийти в дом Шэнь и требовать объяснений?

Во дворе собралось человек двадцать - и взрослые, и дети. Все семеро, которые связывали Шэнь Лая, были здесь; остальные, по всей видимости, взрослые из их семей.

Женщина, стоявшая во главе, заметно отличалась от остальных взрослых. Остальные были одеты бедно: заношенная одежда с множеством заплат, худые фигуры. Не важно, мужчина, женщина или гер, у всех волосы были перевязаны выцветшими серыми тряпичными лентами.

А у этой женщины одежда хоть и была простого, тусклого цвета, но без единой заплаты. В волосах старая, но всё ещё серебряная заколка. В деревне, где почти все ходили в латаном, такое сразу выдавало достаток. Скулы и рот у неё слегка выдавались вперёд, но полнота щёк сглаживала резкость черт. Глаза были округлые, на первый взгляд даже можно было признать её привлекательной. Да и кожа у неё была заметно светлее: не то что у женщин и геров, годами гнувших спину в поле. Видно было, в еде и одежде она нужды не знала.

Вот только слова, вылетающие из этого рта, и её надменный, не знающий меры и пощады вид, пугали куда сильнее внешности. Круглые глаза от ярости распахнулись, белков стало больше, и взгляд сделался почти мертвенно-жутким, словно у взыскивающего душу призрака. Она с силой нахмурила брови, одной рукой упёрлась в бок, другой ткнула пальцем в сторону семьи Шэнь, брызгая слюной:

— Нищелюды проклятые! Да как вы посмели тронуть моего сына?! Запомните: если сегодня же не выплатите мне деньги, вашему роду Шэнь больше не видать спокойной жизни! Я вам до смерти покоя не дам, слышите?!

Сюй Юфан заслонила Шэнь Лая собой, а Шэнь Чэншань и Шэнь Гуй, двое мужчин, встали впереди, прикрывая их обоих. У всех четверых из семьи Шэнь лица были мрачные. Шэнь Чэншань явно опасался этой стороны, поэтому сейчас не стал поднимать ни историю с Шэнь

Лаем, ни дело Лин Сина, а лишь глухо спросил:

— Сколько ты хочешь, чтобы мы заплатили?

Женщина презрительно усмехнулась:

— Десять лян. Завтра же.

Шэнь Чэншань не поверил своим ушам:

— Откуда в нашей семье десять лян серебра?!

— Нет серебра - значит, есть земля, — быстро, без запинки ответила женщина, явно подготовившаяся заранее. — Вон тот участок хорошей пашни подойдёт.

Стоявший рядом Шэнь Гуй зло усмехнулся:

— Appetit у тебя, смотрю, отменный. Даже если бы мы и собирались продавать, один му хорошей земли стоит не меньше двадцати лян. А ты за десять хочешь её забрать?

Женщина взвизгнула:

— Чёрт бы вас побрал! Да ваш мелкий потаскун без стыда и совести мужиков кусает, на каждого мужчину бросается! Шлюха бесстыжая! Не хотите, чтобы я по всей округе это разнесла, так по-хорошему отдавайте землю!

У подножия горы стоял всего один двор, поэтому участок семьи Шэнь изначально сделали просторным, с расчётом на будущее расширение. Обычно этот двор казался Лин Сину слишком большим и пустым, но сейчас он вдруг почувствовал, что здесь тесно. Тесно было не из-за количества людей, а из-за того, что все сбились в одну кучу. Шум, крики, визгливые, режущие уши голоса не стихали ни на миг; грязная брань мешалась в голове, выводя из равновесия и усиливая раздражение.

Лин Син вообще не был вспыльчивым человеком. В большинстве случаев он предпочитал мир и считал, что лучше договариваться, чем ссориться. Но стоило ему подумать о том, что настоящей жертвой был именно Шэнь Лай, а теперь обидчики перевернули всё с ног на голову, ещё и публично унижают его словами, внутри вскипала злость.

А ведь Шэнь Лаю всего десять лет. Он такой чувствительный, такой ранимый. Что он сейчас чувствует, слыша всё это? Насколько ему больно?

Лин Син шагнул было вперёд, но Цао Маньюэ схватила его за руку. Она посмотрела ему в лицо и сразу поняла: старшая невестка рассердилась, по-настоящему рассердилась. Она и сама злилась. Она знала, что её младший деверь хороший ребёнок. Но страх перед семьёй Фан всё же перевешивал.

Когда Цао Маньюэ увидела, что Лин Син, ни на что не обращая внимания, собирается выйти вперёд, её гнев мгновенно сменился паникой. Не раздумывая, она схватила его за руку и, понизив голос, торопливо сказала:

— Старшая невестка, не ходи. С семьёй Фан нам не справиться. Разве ты не видишь, даже отец с матерью боятся сказать лишнее?

Понимая, что Лин Син не знает, какое положение занимает семья Фан в деревне Сяолю, она поспешно и тихо добавила:

— Дом Фан богат, даже староста с ними считается. Сегодня сюда пришла четвёртая дочь семьи Фан, Фан Сюся, та, что вышла замуж. Её муж - хозяин большого зернового магазина в уезде. Каждое лето и осень вся деревня рассчитывает, что именно у них будут скупать зерно.

О Фан Сюся слухи ходили ещё с тех пор, как она вышла замуж. Говорили, что это женщина, которая не уступит ни на йоту: даже не будучи правой, сумеет устроить скандал на ровном месте. На этот раз она подняла шум якобы ради сына, но на самом деле её цель - земля семьи Шэнь. Недавно те как раз думали продать участок, чтобы купить для старшего брата более дорогое лекарство, хотели удержать его в живых ещё хоть немного. Семья Фан положила глаз на их землю, но в итоге участок так и не продали, решив пойти на обряд «свадьбы чунси».

Подумав об этом, Цао Маньюэ невольно взглянула на Лин Сина. Сцена, когда Лин Син тогда плакал и умолял взять его в дом для этого самого «счастливого брака», до сих пор стояла у неё перед глазами.

Именно поэтому у отца с матерью тогда и шевельнулось сострадание, каждому было нужно своё. Хорошей земли в семье всего один участок. Сберечь его, конечно, было бы лучше, но ради того, чтобы старший сын мог принимать лекарство, потерять его тоже казалось не самым страшным.

Земля - это основа. Хорошую землю не всегда купишь даже за деньги, такие участки в основном находятся в руках помещиков и зажиточных хозяев. Сегодня семья Фан ухватилась за повод и пришла шантажировать, требуя землю, это было неизбежно. По сравнению с землёй человеческая жизнь всё-таки важнее.

А зерно - это жизнь крестьян. Два урожая в год - это пропитание всей семьи.

Услышав всё это, Лин Син наконец понял, почему те люди осмелились творить такое прямо у деревенского входа, в месте, где в любой момент могли пройти другие. Они чувствовали себя в

полной безопасности и вовсе не боялись, что их увидят. Даже если кто-то и видел, он предпочитал сделать вид, что ничего не заметил: ведь тот, кто поднял руку, был сыном хозяина зерновой лавки - человека, от которого зависело их существование.

— Старшая невестка, у этих важных людей всё давно поделено: где чья территория, и никто не лезет в чужие дела. Наши окрестные деревни могут продавать зерно только в ту зерновую лавку, другие просто не примут наш урожай. Осенний налог тяжёлый, с одной нашей семьи меньше чем пять лян серебра не возьмут. Сейчас никак нельзя поддаваться минутному порыву и идти на принцип, — продолжала уговаривать Цао Маньюэ.

Она действительно боялась, что семья в итоге не сможет даже продать зерно и совсем лишится дохода. К тому же Фан Сюся была человеком злопамятным: если её по-настоящему обидеть, потом неизвестно, как именно она станет пакостить их семье.

Лин Син почувствовал, как холод сковывает руки и ноги. Это место было по-настоящему страшным: какой-то всего лишь хозяин зерновой лавки мог так легко держать других за горло. Его всего трясло от холода и оцепенения. В это же время Сюй Юфан, не выдержав брани в адрес Шэнь Лая, уже вступила в перебранку с Фан Сюся. Как мать, она не могла позволить, чтобы её ребёнка прямо у неё на глазах так безнаказанно и грязно оскорбляли.

Фан Сюся не ожидала, что семья Шэнь осмелится ей возражать. От этого она разошлась ещё сильнее: из её рта посыпалась такая брань, что она уже не выбирала слов, чем грязнее, тем лучше, понося всех Шэней без разбору. Она не пощадила ни Лин Сина, ни покойного Шэнь Хуана.

— Так вам и надо, что ваш старший сын подох! Рано сдох - значит, возмездие! Само небо не стерпело, чтобы он жил, таким отбросам и место в могиле! А тот гер, что пришёл на «свадьбу ради удачи», тоже недолго протянет: только в дом вошёл - и сразу слёг, да ему и так жить осталось считанные дни!

Как бы ни была Сюй Юфан простой деревенской женщиной, она всё же училась грамоте, и понятия о приличии и стыде были вбиты в неё с детства. Та грязь и злобные проклятия, что сыпались из уст Фан Сюся, она не смогла бы повторить ни слово в слово, язык бы не повернулся. А услышав, как поносят покойного Шэнь Хуана, Сюй Юфан больше не выдержала: кровь прилила к голове, в глазах потемнело, и она едва устояла на ногах.

И тут Шэнь Лай, до этого молчавший, вдруг закричал:

— Я заявлю в управу!

У Чжао-эрбао и Чжао Саньцая в тот же миг будто всё тело одеревенело.

Шэнь Лай с покрасневшими глазами, с худым, но упрямо сжатым лицом смотрел прямо на Фан Сюся:

— Чжао-эрбао и Чжао Саньцай вам не сказали, что видели мою метку фертильности? И Фан Баогэнь с ними тоже видел! Уездный судья сам говорил: если мужчина старше десяти лет умышленно смотрит на метку гера, его обязательно накажут!

Во дворе стихли крики и брань, воцарилась пугающая тишина. В ней отчётливо звучал лишь твёрдый, без колебаний голос Шэнь Лая:

— Я пойду в управу. Никто из них не уйдёт.

Пришедшие взрослые и правда ничего об этом не знали. Фан Сюся с тревогой и недоверием повернулась к двум сыновьям. Увидев, что те не смеют поднять на неё глаза, она сразу поняла: всё правда. Она с размаху отвесила пощёчину стоявшему ближе Чжао-эрбао.

— Почему сразу не сказал?!

Чжао-эрбао от боли скривился, в глазах у него было и возмущение, и обида.

— Откуда я знал, что Шэнь Лай осмелится при всех об этом сказать?! И ты, мама, мне и слова вставить не дала - увидела, что у меня рука покусана, схватила меня, стала спрашивать, а потом сразу всех собрала и потащила к Шэням!

После слов Шэнь Лая люди Фан Сюся вынужденно сбились в кучку и начали шёпотом совещаться, решая, что теперь делать. О том, что метку беременности Шэнь Лая видели посторонние, в семье Шэнь знали. Когда они вернулись домой, Сюй Юфан сразу же расспросила Шэнь Лая.

Ради того, чтобы в будущем Шэнь Лаю было легче выйти замуж, чтобы в семье мужа на него не смотрели свысока, не насмехались и не притесняли, семья Шэнь решила уладить это дело тихо, не вынося наружу.

В тот момент Лин Син был без сознания и вовсе не знал, что произошло нечто подобное. У него были воспоминания прежнего хозяина тела, поэтому он прекрасно понимал, какое значение для гера имеет метка беременности. Если её увидят посторонние, для гера последствия почти равны тому, словно его тело обнажили при людях. Мясо, может, и не отрежут, но пересуды и косые взгляды неизбежны. А слухи ведь убивают не хуже ножа.

Лин Син был поражён смелостью и решимостью Шэнь Лая: своим способом тот защищал достоинство семьи.

Цао Маньюэ поняла, что больше не может удержать Лин Сина. Слова младшего деверя она слышала ясно. Даже если бы старшая невестка не вырывался, у неё самой не хватило бы совести после того, как младший деверь так открыто встал на защиту семьи, продолжать тянуть старшую невестку и не позволять ему встать рядом с Шэнь Лаем.

Услышав, как Шэнь Лай выкрикнул про метку фертильности, Сюй Юфан так сжало сердце, что она не выдержала, обняла его и разрыдалась:

— Зачем ты это сказал, глупыш... Как же ты потом жить-то будешь, мой Сяо У?

— Мам, я что, неправильно поступил?

Шэнь Лай растерялся. Он просто хотел, чтобы та женщина замолчала. Он не мог вынести, когда кто-то продолжал поносить его семью. Он хотел, чтобы те, кто сделал дурное, понесли наказание. Кроме этого способа, он не видел другого выхода.

Но мама заплакала. Значит, он всё-таки был неправ?

Сюй Юфан не смогла ответить, что правильно, а что нет. Шэнь Чэншань и Шэнь Гуй тоже молчали. Ребёнок ещё слишком мал, даже если объяснять, он всё равно не сможет до конца понять.

— Ты не ошибся, Сяо У.

Тихий, тёплый голос прозвучал совсем рядом. Шэнь Лай почувствовал, как его голову мягко погладили. Он поднял глаза и увидел, как старшая невестка смотрит на него с улыбкой.

— Сяо У, ты самый смелый и самый хороший ребёнок, которого я когда-либо видел. Ты не сделал ничего плохого. Старшая невестка должен ещё и поблагодарить тебя за то, что ты защитил семью.

Неважно, было ли это у входа в деревню, когда в критический момент он оттолкнул его, не дав попасть под камень, или сейчас, когда, чтобы прекратить издевательства и оскорбления, заговорил о подаче жалобы властям.

На лице Шэнь Лая появилась улыбка. Раз старшая невестка так сказал, значит, так и есть - он не мог ошибаться.

Услышав слова Лин Сина, семья Шэнь тоже поняла, что отступить уже некуда: сказанное назад не вернёшь. Сейчас самое важное - успокоить ребёнка.

Сюй Юфан вытерла слёзы:

— Что ты такое говоришь, глупыш... Как же ты мог быть виноват, если сам пострадал? Я просто боюсь, что тебе потом будет трудно выйти замуж, что жизнь сложится тяжело.

— Тогда я вообще не буду выходить замуж, — не задумываясь, выпалил Шэнь Лай.

Ему нравилось жить дома. Если не выходить замуж, можно всегда оставаться с семьёй. Он совсем не хотел идти в чужой дом к незнакомым людям.

— Опять глупости говоришь... — уголки губ Сюй Юфан дрогнули, но в сердце её разливалась тяжёлая тревога.

Шэнь Гуй больше всего не выносил слёз. Он не понимал, почему отец с матерью ведут себя так, словно небо рухнуло.

— Мам, не переживай. Пусть Сяо У остаётся дома, я, как старший брат, смогу за ним присмотреть. Да и Маньюэ не из тех, кто не потерпит лишнего человека, чего так далеко заглядывать?

Цао Маньюэ тут же закивала, подтверждая:

— Да, мама.

Неважно, сбудутся ли эти слова в будущем, но сейчас они подействовали успокаивающе.

Шэнь Чэншань и Сюй Юфан ещё раз подробно расспросили Шэнь Лая о том, что происходило раньше. Услышав, что Фан Баогэнь и остальные уже давно его оскорбляли и били, а позже, когда не смогли справиться с ним силой, ограничились одними ругательствами, лица стариков изменились. Вот почему Сяо У раньше так часто возвращался домой с ушибами. Тогда всё их время и силы уходило на заработок и покупку лекарств, и они считали, что это обычные детские проказы. Изначально они хотели замять дело и решить всё по-тихому, но теперь, поразмыслив, решили поступить так, как сказал ребёнок. Постоянные уступки лишь развязывают людям руки.

Особенно в такой деревне, где полно людей с разными фамилиями: стоит прослыть мягкотелыми, и потом каждый сочтёт своим долгом ущипнуть семью Шэнь ещё раз.

Семья Шэнь решила: будут обращаться к властям - по закону, без обходных путей.

У Фан Сюся там тоже быстро пришли к какому-то решению. Раздался её резкий, визгливый голос:

— Этот гер из семьи Шэнь ещё совсем молодой, а уже умеет без стыда цепляться к мужчинам! Сам сорвал повязку, нарочно выставил напоказ метку, а теперь ещё утверждает, будто его кто-то дёргал. Совести ни капли, ни стыда!

Теперь она ни словом не заикалась о земле, сейчас для неё важнее всего было перекинуть грязь на другую сторону, не дать ей осесть на их семье. Иначе её сыну и правда грозили бы большие неприятности.

Лин Сину показалось, что он ослышался. Как можно так нагло переворачивать всё с ног на голову?!

— Что ты несёшь?! — не выдержал Лин Син. — Я собственными глазами видел, как ваш сопляк дёргал Сяо У за волосы!

Фан Сюся машинально выпалила в ответ:

— Да ты сам в обморок упал, каким ещё глазом ты мог что-то видеть?!

Опасаясь, что всплывёт ещё что-нибудь, Фан Сюся только что прижала Чжао-эрбао и Чжао Саньцая, заставив выложить всё до последнего слова, и именно тогда узнала, что Лин Син был оглушён ударом её третьего сына.

Лин Син задохнулся от возмущения. Он окинул взглядом стоявших напротив людей и вдруг рассмеялся от злости. Вот, значит, как. Решили идти до конца: ни за что не признавать вины и валить всё на них, хоть бы и ценой откровенной клеветы.

<http://bllate.org/book/13938/1272676>